

ВОЛШЕБНАЯ ФЕЯ

О тех,
кто оказался
на чужбине

Ольгу Глебову-Судейкину называли «волшебной феей» и «русской Психеей», «петербургской Вуклой» и «Коломбиной», «жрицей муз» и «вдохновительницей поэтов»... Ей посвящали свои стихи и поэмы М. Кузмин, Г. Иванов, И. Северянин, В. Рождественский и влюбленные в нее В. Князев, Ф. Сологуб, В. Хлебников. Ее имя несколько раз встречается в дневниках А. Блока.

«Мне кажется, — с пафосом писал Северянин, — ее любят все, кто ее знает: это совершенно исключительная по духовной и наружной интересности женщина. Актриса, танцовщица, художница, исполнительница песен, переводчица, Ольга Глебова-Судейкина была натурой чрезвычайно одаренной, возвышенной, утонченной, олицетворяя собой, по словам К. Чуковского, «тип петербургской эпохи», которую считают «серебряным веком» и русской поэзии, и русской живописи.

СОВРЕМЕННОКИ отмечали, что Оленька — так ее обычно звали друзья — похожа на боттичеллиевскую Венеру. У нее было «фарфоровое лицо», «дивные золотые волосы, громадные серо-зеленые глаза, искрящиеся, как опалы... чарующая улыбка, летучий легкий смех, летучие легкие движения». Словом, в глазах окружающих она являла собой само совершенство. Весь стиль ее был стилем эпохи — «утонченный и вычурный». Говорила она медленно, несколько утрируя петербургский «акцент». Голос у нее был глубокий, с легкой хрипотцой.

Оленька родилась в Ярославской губернии. Прадед ее был крепостным, дед — крестьянином, а отец — петербургским чиновником, наподобие тех, что встречаются в произведениях Достоевского или Чехова. С ним часто случались запои, а Оленька, совсем маленькой девочкой, разыскивала его по квартирам и, взяв за руку, вела домой. Анна Ахматова говорила, что у Оленьки было несчастное детство.

В 1902 году она поступила в школу Александринского театра в Петербурге, где ее учителем был известный актер В. Н. Давыдов. В самом театре Оленька выступала в течение года и сыграла, в частности, роль Ани в «Вишневом саду». Другие актрисы находили ее чрезмерно манерной, утверждали, что «Оленька подкривляется»... Вместе с тем все отмечали ее приветливость, доброжелательность.

В драматическом театре Веры Комиссаржевской, куда вскоре перешла актриса, она исполняла в основном маленькие роли. Правда, ей выпала честь вместе с самой Комиссаржевской участвовать в премьере пьесы Меттерлинка «Сестра Беатриса», которую оформил модный живописец Сергей Юрьевич Судейкин.

Оленька вскоре познакомилась с этим необычайно ярким и талантливым художником, членом «Мира искусства», которого называли «надеждой русского модернизма». В 1907 году они обручились в петербургской церкви Вознесения.

Судейкин оказал на Ольгу огромное влияние. По словам Ахматовой, он боготворил свою молодую жену и вместе с тем полностью диктовал ей образ жизни, манеру поведения, хотел сделать из нее «произведение искусства», которое напоминало бы персонажи его картин. Художник создавал для нее удивительные воздушные платья, в которых актриса казалась почти обнаженной.

Когда Оленька пропустила один из спектаклей, отправившись в поездку с Судейкиным, Комиссаржевская показала ей на дверь. Едва ли у нее были задатки большой актрисы, но она быстро обратила на себя внимание исполнением танцевальных номеров в драматических спектаклях и в опереттах. Оленька также выступала в классическом и в современном балете и, согласно некоторым источникам, даже танцевала полонез с Вацлавом Нижинским.

В Литейном театре она замечательно исполнила роль в балете И. Саца «Козлоногие». В рецензии, опубликованной в «Обзрении театров», отмечалось: «Измучают бестияльные изгибы и изломы г-жи Глебовой-Судейкиной — актрисы на специфические роли, которая когда-нибудь попадет на еще более подходящую роль, которая ее прославит». Об Оленьке с восхищением

писал в «Аполлоне» Михаил Кузмин, в балете которого «Выбор невесты» она участвовала. Рассказывали также, что, подражая Айседоре Дункан, актриса иногда танцевала полубогаженной.

Александр Суворин, издатель «Нового времени», пригласил Глебову-Судейкину в свой Малый театр, где она выступала в пьесах Дюма, Ростана, Чехова, Шиллера, Кузмина. Пожалуй, наибольший успех выпал ей в водевиле Юрия Беляева «Путаница, или Год 1840», а также в пантомиме В. Мейерхольда «Шарф Коломбины».

В художественной жизни русской столицы особое место занимало знаменитое артистическое кабаре «Бродячая собака», открытое в подвале на Михайловской площади Борисом Прониным. Оно просуществовало три года — с 1912 по 1915-й. В залах, расписанных Сергеем Судейкиным и другими замечательными художниками, устраивались всевозможные конкурсы, выставки и вечера классической и современной музыки. В «Собаке» выступала знаменитая балерина Тамара Карсавина, пепа Н. Забела-Врубель, поэты читали стихи. На сцене кабаре выступала и Глебова-Судейкина — с танцами-стилизациями на темы русского и французского искусства XVIII века. Там же по просьбе поэтов она декламировала — по общему мнению, превосходно — их стихи. Особенно она любила читать Блока, его «Снежную маску», Ахматову, а позднее в Париже — Бодлера, Рэмбо, Верлена, Малларме, «Трех старцев» Толстого и отрывки из романа Бальзака «Блеск и нищета куртизанок».

«Собака» имела даже собственный гимн, сочиненный Кузминым:

Мы не строим строгой мины,

Всякий вскоре петр готов:

Есть певички, балерины

И артисты всех сортов...

В 1915 году «Собака» закрылась, но летом 1917-го Б. Пронин при участии В. Мейерхольда в доме № 1 на углу Марсова поля и Мойки открыл новое кабаре — «Привал комедиантов». На одной из его стен Судейкин запечатлел Оленьку, к плечу которой склонился загадочный персонаж, похожий на Мефистофеля. В «Привале», по воспоминаниям Г. Иванова, за одним столом сидели Колчак, Савинков и Троцкий.

Там Глебова-Судейкина исполняла поставленный для нее художником Юрием Анненковым полубалетный-полупантомимный номер на музыку К. Дебюсси «Детский Кэк-Уок». Благодаря чрезвычайной тонкости искусства актрисы, вспоминал художник, этот дивертисмент имел большой успех.

Все эти годы за Ольгой следовала свита поклонников. К их ухаживаниям она, судя по всему, относилась как к игре, в которой с удовольствием участвовала. Но однажды такая «игра» закончилась трагически. Незаурядный молодой поэт драгунский офицер Всеволод Князев покончил с собой — некоторые утверждают, из-за Ольги — в 22 года. Незадолго до своей смерти он ей писал:

Вы — милая, нежная Коломбина,

Вся розовая в голубом.

Портрет возле старого клавиаса

Белой девушки с желтым цветком!

Нежно поцеловали, закрыв дверцу

(А на шляпе желтое перо)...

И разве не больно, не больно сердцу

Знать, что я только Пьеро, Пьеро?..

«Коломбина» чрезвычайно остро переживала гибель «Пьеро»...

Два года спустя, в 1915 году, Сергей Судейкин оставил Ольгу и вскоре уехал во Францию с новой женой. По свидетельству ее друзей, Ольга восприняла разрыв с Судейкиным, которого продолжала любить всю жизнь, как огромную трагедию.

Новым спутником Оленьки стал известный композитор, пианист и музыкальный критик Артур Лурье. В годы первой мировой войны они жили в мастерской знакомого художника, Лурье, сидя за пианино, сочинял музыку, а Оленька под аккомпанемент композитора напевала его произведения, а также русские народные песни. Сам Лурье отмечал ее «божественный слух», «великолепную музыкальную память».

Все эти годы Оленьку связывала дружба с Ахматовой. Во время революции они жили вместе в доме № 18 на Фонтанке в большой запущенной квартире, на стенах которой висели картины Судейкина. В 1922 году они переехали в старинный особняк на той же Фонтанке, где сейчас находится музей Ахматовой.

Оленька стала работать на бывшей императорской фабрике фарфора — делала полные изящества фигурки танцовщиц в грациозных позах, которые пользовались большим успехом. Подобные статуэтки она изготовляла на той же фабрике еще до революции, и говорили, что сам Николай II имел одну из них в своей коллекции. Несколько фарфоровых статуэток Глебовой-Судейкиной в настоящее время хранятся в собрании ленинградского Русского музея. Многие считали ее настоящим художником.

Ахматова вспоминала, что уже в те годы Оленька чувствовала себя существом несчастным, часто думала о смерти и — как выяснилось впоследствии — пророчески повторяла: «Когда я умру, Аня, за моим гробом пойдет всего человек десять»...

Друзья Глебовой-Судейкиной, оказавшиеся в эмиграции, уговаривали ее уехать из России. Она знала, что Ахматова не поедет с ней, останется на родине, но в конце концов все-таки решила тронуться в путь. Нам не известно, как прошло их расставание с Анной Андреевной, но с тех пор они никогда больше не встречались и не переписывались.

В начале 1924 года, захватив с собой чемоданчик с фарфоровыми статуэтками и куклами, Ольга отправилась в Берлин. Там она провела около полугода, зарабатывая на жизнь их продажей.

Тем временем ее друзья, в том числе Игорь Стравинский, известный художник Сергей Сорин, предпринимали демарши для того, чтобы получить для нее визу во Францию. Хлопоты увенчались успехом — Оленька приехала в Париж.

В Париже Ольга поселилась в маленькой гостинице «Притти Отель» на левом берегу Сены, где жила главным образом англичане и американцы. Ее навещали Артур Лурье, другие петербургские знакомые, и вокруг Глебовой-Судейкиной на первых порах образовалось некое подобие русского клуба.